

КРЕСТЬЯНЕ И ВЛАСТЬ В 1917 ГОДУ: СТАРАЯ ПРОБЛЕМА В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Самара. Самарский государственный университет

Последнее десятилетие XX – начала XXI века насыщено поворотами во всех сферах жизни российского государства и общества. Это породило кризис гуманитарных наук. Он возник вследствие одномоментного отказа от общеобязательной прежде «марксистско-ленинской» концепции истории. Кризис отразил и другие тенденции. Например, «взрыв» исторического знания, который выявил новые направления интересов историков – к истории повседневности, микроистории, компаративистике, клиометристике (исторической информатике), гуманитарной исторической географии и т.п. Мир предстал нелинейным, многомерным, но целостным.

Смена научной парадигмы актуализировала разработку адекватной методологии познания. Возросла роль личностного фактора в познавательном процессе. Для историка открылись возможности выступать со своим видением исторических процессов. Однако, методологический плюрализм породил ряд новых проблем. В частности, усиление субъективизма в исторических исследованиях. Крайним его выражением стали сомнения в статусе исторического знания, в объективности исторических исследований. Впрочем, возможно, это обусловлено не столько кризисом методологии, сколько развитием самой исторической науки. Историки приходят к признанию идеи множества путей к постижению истины. Плюрализм становится атрибутивным условием процесса приращения научных знаний [1].

Существенные изменения в подходах и оценках в наибольшей степени затронули историю России XX столетия. Прежде всего, историю русской революции, созданную советскими историками. Её каркас прогнулся и рухнул. Обнажились грани, которые камуфлировались идеологией и официозной историей. В частности, проблема «крестьянство и власть в 1917 году».

В контексте историографического экскурса в современную историческую литературу она трактуется двояко: как проблема «крестьяне и власть» и как проблема «власть и крестьяне». В такой постановке она впервые была сформулирована в середине 90-х годов [2].

Перемена мест ключевых понятий в формуле ведет к трансформации её смыслового наполнения. Парадигма «крестьяне и власть» понимается как необходимость специального исследования стремлений крестьян утвердить за собой право создавать и право первенствовать во властных структурах в соответствии со своими крестьянскими интересами. Пара-

дигма «власть и крестьяне» понимается как необходимость специального исследования отношений центральных и местных органов государственной власти – Временного правительства, губернских, уездных, волостных комиссаров и земств, в 1917 году претендовавших на роль легитимных восприемников власти монарха и его администраций на местах – губернаторов, исправников, земских начальников – к попыткам крестьян утвердиться во власти в волостях, уездах и губерниях, наконец, в государстве. Дискурс остается действительным и в диспозиции к созданному в октябре 1917 года большевистскому временному правительству – СНК и его революционным комитетам (ревкомам), а также к их комиссарам в губерниях, которые размышлениями о легитимности своей власти себя не утруждали.

Современная историография проблемы «крестьяне и власть» в 1917 году в рамках Средневолжского региона, одним из центров которого является губерния Самарская, характеризуется первоначальными попытками рассматривать её как самостоятельную, а не только как часть общей проблемы «власть и общество», интенсивно разрабатываемой современными историками, в том числе, и самарскими.

До обобщающих историографических исследований по истории революций 1917 года в поволжских губерниях, подобного опубликованному куйбышевскими историками В.А. Шестаковым и П.С. Кабытовым в 1979 году, современной историографии ещё далеко [3]. Аналога упомянутой монографии, несмотря на известную методологическую амортизацию её выводов, в Поволжье нет. Сборники статей не в счет. Единственным исключением можно считать монографию астраханского историка Н.М. Ушакова [4], но она посвящена, в основном, историографии проблемы во второй половине XIX века, и лишь в незначительной степени затрагивает начало XX века.

Вместе с тем историографическое исследование истории 1917 года интенсивно продолжается. Появляются содержательные публикации российских историков [5].

На материалах Поволжья современные исторические и историографические исследования по этой теме принадлежит перу Н.Н. Кабытовой. В докторской диссертации и в известной монографии она затронула широкий спектр аспектов проблемы «власть и общество» в 1917 году. В этом же русле ею проделан обстоятельный анализ советской, постсоветской и доступной зарубежной литературы и источников. Немало внимания Н.Н. Кабытова уделила проблеме «власть и крестьянство» в Поволжье [6]. Поволжское крестьянство в её публикациях впервые в региональной историографии предстало полноправным субъектом исторического процесса, а не только как союзник пролетариата, как было до недавних пор, или того хуже – как «дикое поле», на просторах которого состязались политики разных толков в завлечении в партийные сети социально-биологических простаков.

Историографические итоги изучения указанной проблематики в Поволжье подведены Н.Н. Кабытовой в статье «Итоги и перспективы изучения революции 1917 года в российской провинции» [7]. Она указала не только на дискуссионность, но и на недостаточную изученность ряда вопросов, составляющих суть предмета. По её мнению, «историки сильно преувеличили влияние общественной рефлексии и недооценили значение народной архаики». «Проблема конфликта модернизаторства властной и интеллектуальной элиты с традиционализмом социума, – подчеркивает Н.Н. Кабытова, – чрезвычайно актуальна как с научно-познавательной стороны, так и в связи с современной общественно-политической ситуацией» [8]. С этими замечаниями нельзя не согласиться. Вместе с тем, несмотря на значительную исследовательскую работу, проделанную по проблеме «власть и общество в российской провинции в 1917 году», Н.Н. Кабытова склонна к мысли, что ряд вопросов требует дальнейшего изучения. В том числе, проблема «крестьянство и власть».

Мне относительно неплохо известны источники по проблеме в рамках средневожских губерний (Казанская, Симбирская, Самарская). Имею в виду источники архивные и опубликованные. Особый интерес для меня всегда представляла губерния Самарская. Поиск некоторых материалов по истории самарского крестьянства 1917-1918 годов, который был начат ещё в середине 70-х, занял десятилетия. Например, только к концу 80-х годов мне удалось собрать полную коллекцию протоколов добольшевистских губернских и уездных крестьянских и всесословных съездов 1917 года – от первых уездного и губернского до фрагментов четвертого губернского крестьянского и всесословного. Вместе с протоколами июньских заседаний губернского земства и ноябрьскими 1917 года протоколами совещания председателей и секретарей волостных земских собраний и управ Самарского уезда, они составляют замечательные, в известной мере, бесспорные свидетельства устремлений самарского крестьянства от архаики и патернализма к преодолению косности и политического бескультурья, к демократическому земству, к переобустройству сельской жизни на действительно демократических началах. Особенно важно отметить – через тернии острых социальных конфликтов и уравнительного психоза 1917 года идею демократизации земств и Учредительного собрания крестьянам, представленным в тогдашней самарской власти, удалось довести до реализации. Это – Факт. Факт не только самарско-губернский, но и общероссийский.

Протоколы содержательны и рефлексивны. Представители самарского крестьянства в волостных, уездных и губернском земствах знали реальные проблемы жизни губернии, в частности, крестьянской, и вырабатывали разумные проекты их решений. Поведение земских крестьян в лучшем смысле слова было жертвенным и расчётливым.

Эти дискуссионные в историографическом плане оценки относятся к участию крестьян в обсуждении в земстве и на крестьянских и всесослов-

ных съездах проблем организационных, политических, социальных, культурнических, продовольственных, земельных и многочисленных других, которые их занимали. Факты свидетельствуют, что крестьяне не только дискутировали, но и воплощали свои замыслы в жизнь. Замечу, что участниками прений, запротоколированных в этих источниках, были крестьяне, к 1917 году ставшие политиками, кооператорами, земскими агрономами, учителями, врачами. Из их среды выдвигались крестьянские лидеры, понимавшие значение и смысл земских идей. Они верно оценивали полувековой российский земский опыт, и полагали, что опираясь на него можно успешнее обустроить жизнь.

Есть у меня опыт чтения протоколов комитетов бедноты, сельских советов конца 20-х годов и протоколов колхозных собраний начала 30-х, составленных в губернии. По социальной «генетике» и хронологии составители этих советско-большевистских по формату протоколов, наследовали обустроенные предшествующей властью и земством (равно – обществом), дореволюционным и постфевральским, волостные территории. По «почтовому адресу» протоколы нередко совпадали до селений Самарской губернии, ставшей в мае 1928 года Средне-Волжской областью. Однако, впечатления от их содержания в сравнении с земскими и добольшевистскими крестьянскими съездовскими, разительно отличаются. Признаюсь, что более сильного шока, который довелось пережить в конце 70-х – начале 80-х годов от соприкосновения с подобными архивными источниками, (точнее, потрясения идеологических «догм», крушение которых позже вызовет кризис советской исторической науки, с попыток определить истоки которого начата статья), я не испытывала ни до, ни после. Пруший со страниц комбедовских и колхозных протоколов политико-мифологический абсурд, осязаемый едва ли не физиологически, поражал первобытным уровнем «архаики». Он не оставлял ни одного шанса против недавней «архаики» земской. Комбедовский и сельсоветско-колхозный уровень «архаики» находился, вероятно, в совершенно иной цивилизационной плоскости. Ощущение шока возникло от несовпадения образов главных «героев» – бактраков и бедняков, воспетых большевистской пропагандой, и уровнем их политической культуры, зафиксированным протоколом. Назвать уровень «культурным» можно лишь условно. Вместе с тем стало понятно, почему в государственном архиве области было так много спецхранных запретов. Причем, запреты были наложены именно на фонды с материалами по истории самарского крестьянства 1917-1918 годов, будто эти источники представляли сугубый интерес для иностранных разведок. А по сути, запрет был охранительным стремлением тогдашнего режима не допустить распространения демократических земских идей, которыми были проникнуты многие самарские крестьянские документы периода 1917 – 1918 годов. В ситуации свободного доступа к источникам любому мыслящему историку становились видны неоправданные утраты, ставшие следствием

насилия над земствами, совершенного местными большевиками вслед за разгоном Учредительного собрания в Петрограде.

Несовпадение идеологического мифа и реальности было столь очевидным в пользу земства, что перед глазами до сих пор без труда возникает картинка безграмотного химического карандаша, «запечатлевающего» советско-колхозный протокол 1929 года, и в том же ряду другая – протокол уездно-волостной земский 1917 года, исполненный на печатной машинке! Тот и другой были созданы самарскими крестьянами. Но какими разными! Такого уровня «архаики» десятилетие спустя после большевистской революции, открывшей народу все блага «цивилизации», как уверяли со страниц тысяч книг, брошюр и газет советские историки, писатели и журналисты, моё тогдашнее сознание без сотрясения не смогло вместить. Пафос советско-колхозного протокола соответствовал «генеральной линии» правящей коммунистической партии. Но в реальную проблематику, которой так виртуозно владели земские крестьяне, не попадал. Между тем, первобытный уровень «народной архаики», протокол отражал впечатляюще.

В связи с этими наблюдениями возникают мысли, что, вероятно, есть архаика и архаика. Комбедовско-сельсоветско-колхозная «архаика» конца 20-х годов была, образно говоря, семью метрами ниже «архаичного» уровня представлений крестьян о демократии в комитетах народной власти и волостных земствах 1917 года. Трудно избавиться от сознания, что маркируемые советскими историками с 20-х годов кулацкими, эсеровскими, соглашательскими и т.п. идеологическими «лейблами» крестьяне исполнительных комитетов народной власти и волостных земских управ, были крестьянской «элитой», которой удалось усвоить азы земской демократии. Однако именно эти первые крестьянские демократы стали первыми жертвами большевистской революции, спровоцировавшей всплеск «народной архаики» комбедов, сельсоветов и большевистских партячеек.

Из современных российских публикаций по истории российских революций, появившихся во второй половине 90-х годов, выделяю работы, авторы которых наиболее инновационно продвигают познание проблемы «крестьянство и власть». Имеются в виду работы В.М. Лаврова (1996), О.Г. Буховца (1996), В.П. Булдакова (1997), Л.Г. Протасова (1997), С.В. Ярова (1999), А.А. Куренышева (2000), В.В. Кондрашина (2001), И.В. Нарского (2001), Л.Н. Литошенко (1927, 2002), Н.А. Окатова (2002) [9]. Продуктивно над проблемами истории крестьянства в 1917 году (крестьянское движение, крестьянские организации, крестьянство и власть, крестьянский менталитет) работают историки Тамбова, Пензы, Казани, Саранска. Об этом свидетельствуют материалы республиканских, всероссийских и международных конференций [10].

Для истории революции 1917 года в Самарской губернии проблема «крестьяне и власть» остается актуальной во многих исследовательских

аспектах. Например, хронология, статистика и историческая география крестьянского движения в губернии в 1917 году не воссозданы до сих пор. Этот пробел становится особенно заметен на фоне плотной исследованности этой проблемы на материалах самарской деревни периода 1905 – 1907 и 1918 – 1922 годов [11].

Остается в тени и вопрос о динамике создания комитетов народной власти, волостных земств и советов крестьянских депутатов. Недостаточно изучен процесс демократизации уездных и губернского земств, создания волостных земств и историческая география губернских выборов в Учредительное собрание. Недостаточно исследована история Самарского губернского Комитета народной власти, в частности, его социальный и персональный составы, роль и влияние самарского крестьянства на процесс его организации и деятельности, а также история комитетов на местах – в уездах, волостях и селах. Эти сюжеты нуждаются в дальнейшем изучении. О том, что актуальность этих вопросов «уловлена» и исследуется, свидетельствуют своевременные публикации самарского историка А.Б. Щелкова [12]. Его исследования имеют непосредственное отношение к проблеме «крестьяне и власть» (и – «власть и крестьяне»), хотя автор и не ставит эту проблему как специальную.

Важным шагом к решению этих задач стала бы публикация полных текстов протоколов самарских губернских крестьянских и всесословных съездов 1917 года, протоколов демократизированного земства, материалов по крестьянскому движению 1917 года. Опубликованных материалов явно недостаточно для того, чтобы объективнее представить реалии реформ и революций 1917 – начала 1918 годов в одной из крупнейших губерний Средневолжья – Самарской. Публикация архивных источников, несмотря на существенное продвижение [13], остается фрагментарной. Тамбовские историки в прошлом году сумели издать сборник материалов по крестьянскому движению в 1917–1918 гг. [14], получивший высокую оценку специалистов. Неопубликованные самарские материалы не менее выразительны.

Литература

1. Сахаров А.Н. Историческая наука на перепутье // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 8-9; Он же. Новая политизация истории или научный плюрализм? (О некоторых тенденциях историографии истории России XX в.) // Там же. С. 17 и др.; Поляков Ю.А. Историческая наука: Время крутых поворотов // Там же. С. 29-30.

2. См.: Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канишев В.В., Протасов Л.Г. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996. С. 146-154.

3. Шестаков В.А., Кабытов П.С. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции в Поволжье. Саратов, 1979.

4. Ушаков Н.М. Власть и крестьяне России на путях модернизации (XIX – начало XX века): Проблемы историографии. Астрахань, 2001.

5. Кочетков Г.Н. Россия в 1917 году: выбор пути исторического развития (историография проблемы) // Европейская историография XX века. Ярославль, 1992; Антропов А.А. Отечественная историография Февральской революции. 1985-1992 годы // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993; Заболотный Е.Б. Революция 1917 года на Урале (историография). Тюмень, 1995; Курас Л.В. Октябрьская революция в Сибири 1917 – середина 1918 г. в отечественной исторической литературе и источниках. Улан-Удэ, 1995; Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Шадский О.Д. Зарубежная историография российского крестьянства и крестьянских движений в 1918-1921 годах: Историографический обзор. Тамбов, 2000; И др.

6. Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции в 1917 году. Самарский университет, 1999 (2002). С. 73, 88, 147 и др.

7. Вестник Самарского госуниверситета. 2000. №3.

8. Там же. С. 35.

9. Лавров В.М. «Крестьянский парламент» России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917-1918 годах). М., 1996; Буховцев О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; Окатов Н.А. Россия в трех революциях. Ч. 2. Тамбов, 1999; Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000; Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001; Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М., 2001; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.

10. Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Материалы междунар. науч. конференции 30 мая – 3 июня 1993 г. Казань, 1994; Крестьянство и власти в России в 1917-1994 гг.: Тезисы докладов и сообщений междунар. науч. конференции. Ростов-на-Дону, 1994; Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв. Материалы междунар. конференции. Тамбов, 2002; Историки и история в меняющемся мире. Материалы конференции, посвящ. 100-летию со дня рождения профессора Е.И. Мелведева. Самара, 2003; Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Программа VII межрегиональной конф. историков-аграрников. Саранск, 2003 и др.

11. Сперанский Н.Н. Крестьянское движение в годы первой русской революции // 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925; Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1990 (1999); Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность...; Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905-1907 гг. М., 1997; Кабытова Н.Н., Кабытов П.С. В огне гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917 – 1920 гг.). Самарский университет, 1977; Аншакова Ю.Ю. Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918 – 1920 года. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1998; Кондрашин В.В. Указ соч.; Мякотин А.А. Крестьянство и советская власть в 1921 – 1927 гг. (По материалам средневожских губерний). Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2002 и др.

12. Щёлков А.Б. Финансовое обеспечение губернского Комитета народной власти в 1917 году // Исторические исследования. Вып. №4. Самара, 2002; Он же. Формирование Комитетов народной власти в Самарской губернии в 1917 году // Самарский край в контексте российской истории. Самара, 2002; Он же. Борьба за власть в 1917 году в октябре-декабре 1917 года // Историки и история в меняющемся мире. Самара, 2003 и др.

13. Самарское Поволжье в XX веке. Документы и материалы. Самара, 2000; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Борьбы за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917 – 1918 гг.) Самарский университет, 2002. И др.

14. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917 – 1918). Документы и материалы. М., 2003.